

Librarium

{ ЛОРЕНЦО
ВАЛЛА
ОБ ИСТИННОМ
И ЛОЖНОМ БЛАГЕ }

РИПОД
КЛАССИК

Москва

УДК 122/129

ББК 87.7

Б92

Перевод с итальянского И. Х. Черняка, Н. В. Ревякиной

Вступительная статья А. В. Маркова

Валла, Лоренцо

Б92 Об истинном и ложном благе / Л. Валла ; [пер. с ит. И. Х. Черняка, Н. В. Ревякиной; вступит. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик, 2018. — 538 с. — (Librarium).

ISBN 978-5-386-10530-3

Лоренцо Валла — крупнейший этический мыслитель эпохи Возрождения, понявший библейскую и античную этику в ключе обновленной логики. Валла создал динамичную этику, предвосхитившую предприимчивость Нового времени. Умение подбирать точные аргументы, изящество стиля, убедительное сопоставление разных точек зрения делает труды Валлы школой этической философии. Начатые Валлой дискуссии о свободе воле, о природе желаний, о намерениях воли и сейчас создают рамку философского осмысливания нашей повседневной жизни.

УДК 122/129

ББК 87.7

© Черняк И. Х., перевод на

русский язык, 2018

© Марков А. В.,

вступительная статья, 2018

© Издание, оформление.

ООО Группа Компаний

«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-386-10530-3

ЛОРЕНЦО ВАЛЛА — РЕФОРМАТОР ДУХА, ЗНАТОК ДУШИ

Лоренцо Валла (1407—1457) по масштабу личности, пусть не по последствиям, был равен Лютеру или даже Наполеону, а как реформатор логики — самое меньшее, Берtrandу Расселу, если не Витгенштейну. Его имя одно из первых, вспоминающихся при словосочетании «ренессансный гуманизм», и это справедливо. Гуманизм как возрождение античной речевой нормы знал множество героев, но только Валла осмыслил латинский язык не только как медиум истории, как способ вернуть правильность доблестных исторических дел, но как проблему. Наследие классической философии всегда озадачивает Валлу, и он не торопится снять с себя бремя решений. Он подходит к древности не как увлечённый археолог, ищущий в ней санкций современной политики, но как со-

беседник, нашедший, наконец, с кем можно поспорить по душам.

Валла был бюрократом в высшем смысле — если для нас слово «бюрократ» часто означает человека, действующего лишь по готовым инструкциям, для Валлы чиновник творчески и ответственно поддерживает работу всей государственной системы. Философ отличается от чиновника только тем, что поддерживает нравственную систему всего человечества.

Родился Лоренцо в семье куриалов, папских чиновников, в 13 лет остался без отца и был поручен воспитанию матери и дяди. Он оправдал отцовское доверие и вскоре сам стал куриалом: при блистательном папском дворе Мартина V было принято соревноваться в образованности и изяществе. Валла выделился перед другими молодыми чиновниками, не хуже его умевшими импровизировать речи на латыни, писать стихи и цитировать с утра до вечера античных авторов — если его друзья любовались собой, то он всегда был собой недоволен, и в глаза бросалась его печальная проницательность. Он не мог сказать фразу в простоте, но это была не сложность изощренного стиля, как у друзей, но сложность настигшего его размышления, настигшего быстрее, чем он успел завершить фразу.

Отличался он от товарищей и любовью к греческому языку. Греческий язык долго оставался для гуманистов почти недоступным: они могли говорить о чарующей греческой речи, но оригиналы греческой словесности были так же малодоступны их пониманию, как египетские иероглифы, разве что они знали, что греческий язык больше похож на латинский, чем древнеегипетский. Лоренцо Валла стал изучать греческий систематически, благо и в папской курии, и в университетах были учёные греки или их ученики, к которым обращались по сложным вопросам, как к специалистам по древней мысли или духовности вообще. Греки преподавали язык, но мало кто мог завершить полный курс, внимая равно множеству произведений. Латинский язык не имел диалектов, кроме разговорных, тогда как в Греции всякий литературный жанр был отдельным диалектом: дорийский диалект — эпоса, аттикийский — риторики, ионийский — эпиграммы, эолийский — лирики. Выучить греческий язык хорошо означало достичь равного совершенства во всех словесных искусствах, а кто, кроме Валлы, осмелился бы на это?

Хотя Валла остался латинским писателем, он всегда имел в виду в своих рассуждениях и аргументах многозначность и стилистическую гибкость греческого слова, просвечивающую через

латинский перевод, — и порицал св. Иеронима, переводчика Библии на латынь, за сведение множества поэтических жанров Библии к среднему жанру. Валла не был первым, кто понял Библию не как законодательную норму, безразличную к выражению, но как вариацию поэтических размышлений о человеческой жизни. На заре Средневековья Аполлинарий Лаодикийский пытался заново перевести Ветхий Завет с иврита на греческий, учитывая, что Песнь песней должна звучать иначе, чем Псалмы, а то и другое совсем иначе, чем Книги Пророков. Но если Аполлинарий оказался неудачником, его восприняли как амбициозного и напыщенного поэта, то опыт Лоренцо оказался другим. Он как филолог указывал, что перевод Библии нужно обновить, чтобы раскрыть не просто многозначность слов, но и то, что за каждым словом стоит целая сцена, что каждое слово произносится со своей точкой зрения, а не просто нормирует реальность. По стопам Валлы пошли Эразм Роттердамский и Лютер: первый, споря с монахом Медардом (Мердардом, как обругал его Эразм) о том, как перевести слова Девы Марии «Бог обратил внимание на смирение рабы своей», заметил, что слово «смирение» в нашем смысле не подходит, потому что не будет же Непорочная Дева хвастаться своим смирением. Речь

просто о ситуации, об униженном положении человечества.

Но если последователи Лоренцо Валлы заново вели человечество из состояния несчастья в состояние счастья, объясняя, как слова Библии ведут от ада к раю, то Лоренцо Валла обращался не к человечеству, а к друзьям. Они должны были учесть его замечания, они должны были превратить его интеллектуальную работу в основание новой этики.

Этическая программа Лоренцо Валлы — постоянный спор с этикой Аристотеля, которую он считал слишком косной и однообразной. Аристотель поставил в центр своей этики золотую середину — способность сознавать своё счастье, избегая губительных крайностей. Так, жадность и расточительность равно разрушительны для человека, тогда как настоящая умеренность счастлива в каждом человеческом поступке. Валла воспротивился такому подходу: ведь жадность и расточительность — не строгие выводы о человеке, но карикатуры, эмоциональные обличения.

Лоренцо считал, что Аристотель повергает философию в публицистику, в поспешные выводы на потребу его собственному самолюбию. Поэтому он требует предположить иное: не добродетель есть середина между двумя пороками, но порок есть се-

редина между двумя добродетелями. Это будет и оптимистичнее, и аналитичнее — считать, что и бережливость, и щедрость равно угодны Богу, — и только трусливая скрытость, неумение обойтись даже со своей собственностью, порочна. Так филологическая любовь к многозначности слов превратилась в философскую любовь к многогранности человеческого желания не только казаться хорошим, но и быть хорошим.

Часто как этического мыслителя Лоренцо Валлу называют эпикурейцем, но даже если мы бесповоротно соглашаемся с такой характеристикой, ее надо пояснить. Тем более, как все ренессансные мыслители, например, Леонардо Бруни или Поджо Браччолини, Валла предпочитал для нравственных сочинений форму диалога — принципиальная незаконченность разговора помогала лучше разглядеть начальные позиции его участников, а значит, увидеть за проблемой нравственных характеров проблему душевных исканий. Таково и эпикурейство Валлы: оно экспериментально, и главный предмет экспериментов — не наслаждение и не душевный подход как таковые, но возможность проникнуть в тайну времени.

Эпикур и его последователи учили, что настоящее наслаждение эфемерно, и потому наша чувственность должна стать ещё эфемернее, чем то,